

УДК 930.85

DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10304

ПАМЯТЬ ОБРАЗА: РОЛЬ ПОЖАРА В АНТРОПО И КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ**М. Л. Шуб, С. А. Блинова***Челябинский государственный институт культуры, Челябинск*

Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс МД-2020), проект «Культура памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности»

В статье рассматриваются основные этапы взаимодействия человека и пожара: «комменсализм» (отсутствие прямого, непосредственного взаимодействия с пожаром, использование его возможностей как природного источника «огненных благ»), «приспособление» (освоение возможности самостоятельной добычи огня, снижение зависимости от пожаров), «приручение» (нивелирование роли пожара как источника огня, начало осознанной борьбы человека с пожарами, выделение его из общего позитивно окрашенного концепта огня, освоение форм и приемов борьбы с пожарами). В целом роль пожара как катализатора процессов антропо- и культурогенеза сводится к формированию системы эволюционных преимуществ (интенсификация познавательных процессов, пространственной динамики, адаптационных механизмов и пр.). Пожар оказал воздействие на формирование религиозно-магических практик, прежде всего, религиозных культов, выросших из поклонения пожару как первому источнику огня и как одной из природных и до некоторых пор тотально неконтролируемых стихий.

Ключевые слова: *пожар, огонь, огненный культ, антропогенез, культурогенез.*

**Основные этапы взаимодействия человека с пожаром:
от страха к борьбе**

Древние пожары, в огне которых сотни тысяч лет вершилась история нашего вида, не угасли до сих пор. Отголоски огненной стихии прошлого вплетены в религиозные и философские учения, отражены в науке, искусстве, зашифрованы в языке. Невозможно представить культуру, не знавшую огня, хотя, скорее, невозможно представить культуру, не знавшую пожаров. Именно пожар, вспыхнув миллионы лет назад, стал одним из значимых условий и катализаторов тех изменений, которые сформировали нас как вид и повлияли на формирование культуры.

Но пожары, ставшие ресурсом для наших предков сегодня, являются одной из глобальных угроз для всего человечества. Несмотря на технический прогресс, научные достижения и высокий уровень развития общества, количество пожаров на планете ежегодно составляет в среднем 5-6 миллионов [14. Р. 32] и каждый год тысячи человек страдают от огня. В огне исчезают бесценные объекты природного и культурного наследия. Огонь пожаров не только приводит к огромным материальным убыткам, но и оказывает крайне негативное воздействие на экологическую ситуацию в целом. Казалось бы, нет сомнений в том, что пожар – это разрушительное явление, ассоциирующееся с катастрофой и гибелью. Однако особенности его осмысления, формы бытования в культуре значительно шире и включают в себя целый спектр дихотомических смыслов.

Первые пожары возникли на планете около 400 миллионов лет назад [5. С. 12] благодаря сочетанию нескольких элементов: топлива, кислорода и тепла, сформировавших «пожарный треугольник», что привело к появлению уникального ресурса, изменившего нашу планету [13. Р. 16]. Пожары постепенно стали неотъемлемой частью окружающей среды и еще до появления предка современного человека оказывали значительное влияние на экосистему.

Это привело к тому, что в ходе эволюции организмам, чаще других соприкасавшимся с огнем, пришлось адаптироваться к его воздействию и даже использовать его для выживания. На сегодняшний день известен целый ряд представителей флоры и фауны, именуемых «пирофилами» [11. С. 502]. Некоторые виды размножаются или плодоносят только после пожара или огненного пала, другие используют пепел и уголь для того, чтобы выводить потомство, охотиться или питаться. Вероятно, именно с этим связаны мифы о появлении огня, где главным его источником выступают именно животные [14. Р. 44]. Среди австралийских аборигенов и сегодня бытует миф, вызывающий серьезный интерес у орнитологов – миф об «огненных соколах», в соответствии с которым нескольких видов хищных птиц провоцируют пожары ради охоты (похищают горящие головенки и угли из костров или увеличивают площадь уже возникшего пожара) [8. С. 94–96].

Но предок человека во взаимодействии с пожаром пошел значительно дальше: он не просто приспособился к нему, он сделал его своим союзником и проводником, распространив его по всем континентам [13. Р. 149].

Использование огня многие ученые воспринимают как некий Рубикон для нашего вида, отделяющий человека от животных. Это подтверждается словами В. В. Вернадского о том, что «когда человек овладел огнем и стал создавать первые орудия, он положил начало своему преимуществу перед высшими животными, борьба с которыми занимала огромное место в его истории» [3. С. 89].

Если реконструировать логику взаимодействия наших предков с пожарами, то в этом процессе можно выделить несколько этапов.

1. Этап комменсализма (1,5–2 млн. лет назад – 500 тыс. лет назад). Данные хронологические рамки фиксируют период, когда предок человека мог использовать лишь природные источники огня (в первую очередь пожары).

Именно пожары «научили» человека использовать огонь. На месте пожаров можно было обнаружить термически обработанную еду; обожжённые и ставшие более крепкими кусочки древесины (результатом могли стать обожжённые древки копий); золу, которая могла служить как для культовых целей, так и для хозяйственных [2. С. 29]. Другим значимым результатом пожаров становится знание о сельскохозяйственных возможностях огня. Выжженная территория быстро заполнялась новыми видами низкорослой флоры и становилась более пригодной для охоты, жизни и возделывания [16. Р. 69]. Также человек мог увидеть и осмыслить процесс восстановления и изменения земли после воздействия пожара, что в дальнейшем способствовало формированию системы подсечно-огневого земледелия, сохранившегося в ряде регионов до начала XX века [Wупесоор].

К сожалению, ни археологических, ни каких-либо иных артефактов, свидетельствующих о взаимодействии человека и пожара на данном этапе, не сохранилось. Осмысление такого рода взаимодействия носит характер реконструкции и проекции на далекое прошлое того поведения человека во время и после пожара, которое удалось зафиксировать ученым применительно к более поздним этапам развития человечества [15. Р. 21].

2. Этап приспособления (500–300 тыс. лет назад – 10–8 тыс. лет назад). Данный этап характеризуется, прежде всего, тем, что человек освоил возможности самостоятельной добычи огня.

На сегодняшний день ученые, опираясь в первую очередь на археологические находки в местах стоянок первобытного человека, предлагают несколько возможных временных интервалов.

Но наиболее распространённой и принятой в научном сообществе является версия о том, что постоянное, регулярное и интенсивное использование огня началось в районе 400–350 тысяч лет назад [6. С. 74-75]. Самостоятельная добыча огня привела к масштабным изменениям в жизни человека. Понизилась зависимость от климатических условий и смены дня и ночи, что позволило человеку осваивать новые территории и продолжать свою деятельность с наступлением темного времени суток. Термическая обработка пищи, как и на предыдущем этапе, позволяла получать больше питательных веществ, есть ранее недоступные продукты (несъедобные или ядовитые в сыром виде), а также заготавливать и сохранять продукты на более длительный период, что снизило риск непредсказуемого наступления голода и позволило также передвигаться на большие расстояния и заселять новые территории. Помимо этого использование огня позволило усовершенствовать орудия труда, что в свою очередь повысило качество и эффективность охоты, рыбалки и других видов деятельности [(9. С. 60].

Традиционно считалось, что именно освоенный, прирученный огонь стало мощным катализатором антропо- и культурогенеза [5. С. 116]. Однако научная теория Р. Рэнгама и Р. Кармоди, биологов Гарвардского университета, основанная на находках обугленных костей различных видов животных и одного из видов гоминид в Сварткапской пещере (Южная Африка), опровергает это сложившееся мнение и отводит роль такого рода катализатора природным пожарам (а не прирученному огню), отодвигая начальную стадию эволюционного прорыва почти на миллион лет назад от общепризнанной даты (500-350 тыс. лет назад) [7. С. 24].

Подобного же мнения придерживаются и антропологи из университета Юты. Они предположили, что наиболее значимым условием развития человеческого вида (анатомические изменения, связанные с изменением в рационе – уменьшение размера зубов, челюстной мускулатуры и др.) стало пассивное использование огня (полученного в результате природных пожаров), а не его освоение [12. Р. 54]. Ученые-антропологи также доказали, что изменения в экологической системе данного периода привели к увеличению числа природных пожаров, что в свою очередь позволило предкам человека использовать природные пожары как ресурс для саморазвития: погибшие в огне животные и обожженные растения, непригодные в пищу в сыром виде, становились дополнительным источником пищи. Более того, в таком виде еда лучше усваивалась, становилась более питательной и безопасной.

Таким образом, мы можем говорить о том, что не приручение огня стало причиной глобальных перемен для нашего вида. Оно являлось скорее следствием того, что человек, столкнувшись с природными пожарами, научился использовать их для трансформации окружающего мира и для удовлетворения своих витальных потребностей.

Возвращаясь к анализу содержания данного периода, нельзя не отметить, что значимость пожаров и их роль в жизни человека значительно снижается – умение самостоятельно добывать огонь изменило парадигму во взаимодействии человека и пожара.

В полной мере это относится и к стихии пожара, и к «прирученному» огню. На это могут указывать археологические находки, а именно обнаружение на различных стоянках возле очагов – окрашенных охрой камней, которым иногда придавалась антропоморфная форма. Однако содержание такого рода религиозных представлений и специфика их материального воплощения остаются загадкой по сей день.

3. Этап приручения (10–8 тыс. лет назад – настоящее время).

С момента освоения огня, как было отмечено выше, связь человека с пожарами ослабевает. Но только с возникновением оседлых поселений и в дальнейшем, на этапе формирования протогородов, государств, частной собственности эта связь не просто ослабевает, но меняет свою парадигму.

Более того, на этапе перехода к оседлому образу жизни пожар начинает обретать разрушительные, негативные коннотации. Теперь человек не только владеет огнем, он пытается его контролировать и уничтожать в случае угрозы. На этом этапе зарождаются прообразы современного института пожарной охраны, создаются первые средства пожаротушения, появляются первые законы, связанные с пожарами, что отражает не только изменение отношения к пожарам, но и к степени угрозы, которую видели в них люди [1, С. 15–16].

Такой характер оценки пожара можно назвать рациональным. Его формирование было связано, прежде всего, со страхом потери собственного имущества, ценных материальных предметов и попыткой уберечь их от природного огня.

Параллельно с рационализацией пожара продолжался процесс его сакрализации, сложившийся в культуре в предыдущие периоды ее развития. Пожар по-прежнему воспринимался как явление природы, одушевленная стихия, которую человек боялся и перед которой он преклонялся как перед высшей силой.

Роль пожара в формировании религиозных представлений: огненные культы

Вопрос относительно места пожара в религиозно-мифологических системах различных культур до сих пор является чрезвычайно сложным. Традиционно антропологи и историки религии не стремились вычленивать его, концентрируя внимание на огненных культах в целом. Природа последних связывается либо с поклонением солнцу [1; 13], молнии [8], со стремлением к очищению [6] или усилению плодородного потенциала природы [10].

На наш же взгляд, происхождение огненных культов теснейшим образом связано, прежде всего, с сакрализацией пожара. Такого рода культы проистекают из поклонения пожару как первому источнику огня и как одной из природных и до некоторых пор тотально неконтролируемых стихий.

За неимением письменных источников, подтверждающих или опровергающих это предположение, стоит обратиться к логике древних людей, которую можно отчасти реконструировать благодаря антропологическим и археологическим исследованиям.

Во-первых, подобно тому, как человек поклонялся воде, лесу, земле, воздуху, природе в целом – он поклонялся и пожарам, не делая для них исключение. Пожар, подобно всем остальным силам природы, был жизненно важен для человека, вместе с ним он получал и пищу, и плодородные почвы, и новые виды растений. Но, как и любая стихия, он нес с собой угрозы и разрушения, что не отменяло, а, скорее, напротив, усиливало его сакральность в глазах древних людей.

Во-вторых, даже после освоения навыка добычи огня человек очень долгое время оставался зависим от него – и в силу того, что «искусственный» огонь не обладал всеми ресурсами и возможностями природного пожара, и в силу того, что нередко такой навык утрачивался. Об этом свидетельствуют мифы разных архаических народов, связанные с появлением огня в жизни человека, представленные в работах А. С. Токарева [10].

В-третьих, и до, и после «приручения» пожара огонь рассматривался древним человеком в широком диапазоне смыслов – и как бушующая стихия, и как огонь в пещере, и как ритуальный огонь. В силу синкретизма мышления первобытного человека эти виды огня не дифференцировались и не осмысливались отдельно, представляя собой лишь различные проявления общего огненного концепта. Такая особенность восприятия пожара проявилась и на лингвистическом уровне. Так, в языках англо-фризской группы

слова «пожар» и «огонь» пишутся идентично (lefeu - огонь, lefeu - пожар (франц.); fire-пожар, fire-огонь (англ.)) [11. С. 139].

Ситуация несколько меняется, как мы отмечали выше, в связи с появлением государства, городов и частной собственности. Пожар постепенно вычленяется из общего понятия огня, становясь его деструктивным воплощением. Но и на этой стадии развития общества поклонение пожару сохраняло свои древние традиции, а пожар приобрел черты контролирующей силы и осмысливается как наказание за грехи, посланное Богом, как попытка вернуть верующих на истинный путь через претерпевание кары, очищение и покаяние.

В-четвертых, в рамках религиозно-мифологических представлений самых различных культур объектом поклонения всегда выступала сила или объект, превосходящий человека по силе. Поэтому представляется логичным возникновение огненного культа как результата поклонения стихийной форме огня – пожару, а не его прирученной форме. Огонь в костровище или очаге в таком ракурсе становится скорее частицей высшей силы, результатом договора человека со стихией.

В соответствии с этой логикой мы можем говорить, что огонь родился из пожара, а следом пожар родился из огня. Данный логический парадокс возникает из-за столкновения нашего современного мышления с тем восприятием мира, которые было присуще нашим предкам. Доминирующая, изначальная форма огня, существовавшая в природе в нашем представлении, несомненно, была бы отнесена к категории пожара, но для наших предков пожар и был огнем, воплощавшем бога или его силу.

В целом можно предположить, что огнепоклонничество стало результатом дихотомической реакции (страха и почтения) на взаимодействие человека с природной первоформой огня – пожаром. Генетически обусловленный страх перед опасным явлением природы и при этом тесная связь с ним, возникшая посредством использования огня (как природного, так и прирученного) для реализации целого ряда витальных и культурных потребностей человека, сформировали сложную систему отношений человека и огня, отраженную в разнообразных огненных культах, многие из которых сохранились до наших дней. И в подтверждение этого мы находим огромное количество «следов» поклонения пожарам в ткани огненных культов религиозно-мифологических представлений разных культур.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пожары являлись и являются до сих пор значимой частью социокультурной (религиозной, мифологической, языковой, ценностно-нормативной, коммуникативной) картины мира, существенным образом влияя на процессы антропо- и культурогенеза. Одним из проявлений культуросозидающей функции пожаров становится формирование огненных культов, что было инициировано не только зависимостью человека от природных пожаров как первого источника огня, но и страхом перед ним.

Со времен Ч. Дарвина мы привыкли видеть в эволюционных процессах, таких как антропогенез и культурогенез, черты непрерывных, линейных достижений, но, в своем интервью М. Рампино рассказывает об исследованиях малоизвестного естествоиспытателя П. Мэтью, который за полвека до возникновения эволюционной теории Ч. Дарвина, выдвинул гипотезу о том, что именно катастрофы (к коим, безусловно, можно отнести и пожар) оказывают значительное и благотворное влияние на эволюцию. М. Рампино указывает на то, что «эволюция – это скорее череда малоуправляемых катастроф, которые, несмотря на разрушения, стимулируют взрывное развитие» [Цит. по: 13. Р. 65]. Более того, в соответствии с результатами исследований В. Э. Лебедева, двусторонний адаптационный процесс (человек - природа; природа - человек), в том числе и негативный, при более глубоком рассмотрении позволяет говорить о стимулирующем, а следовательно позитивном эффекте от взаимодействия.

Подобные представления о разрушительном, но также и созидательном воздействии катастроф, в том числе и пожаров, несомненно, находят отражение в культурных традициях и верованиях, философских учениях.

Несмотря на представленные аргументы, современному человеку сложно принять концепцию поклонения разрушительным, катастрофическим явлениям, таким как пожар, особенно учитывая обыденные, упрощенные формы осмысления пожара как исключительно негативного явления. Но для того чтобы реконструировать логику наших предков, необходимо увидеть мир их глазами, где разрушение было синонимом созидания, а смерть неотъемлемым элементом жизни, на что указывают разнообразные ритуалы связанные с жертвоприношениями и культурами смерти, строго направленными на поддержание благополучия и сохранения мира.

Таким образом, именно рассмотрение пожара с позиции двух миров, которым он принадлежит – мира природы и мира культуры позволяет увидеть его с точки зрения созидательной, консолидирующей силы, стимулирующей эволюционные процессы в обществе, осознать значимость его роли в процессах антропо- и культурогенеза.

Список литературы

1. Абрамов, В. А. История пожарной охраны. Философско-методологические проблемы пожарной безопасности. М.: Академия ГПСМЧС России, 2012.
2. Анучин, Д. Н. Открытие огня и способы его добывания. М.: Гос. издательство, 1922.
3. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / под ред. Е. М. Гончарова. М.: Айрис-Пресс, 2013.
4. Лебедев, В. Э. Природный ингредиент в этнической динамике // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1-2 (20). С. 80–81.
5. Макаренко, В. К. Человек и огонь. Ярославль: Верхне-Волжское кн. Изд-во, 1982.
6. Массон, В. М. Огонь в эпоху палеолита: многообразие функций // Советская археология. 1991. № 1. С. 160–161.
7. Рэнгем, Р. Зажечь Огонь. Как кулинария сделала нас людьми. М.: Corpus, 2012.
8. Смит, Р. Мифы и легенды австралийских аборигенов. М.: Центрполиграф, 2008.
9. Ташак, В. И., Антонова, Ю. Е. К вопросу о добыче огня и его культе в палеолите Западного Забайкалья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. № 7. С. 56–67.
10. Токарев, С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.
11. Чайко, Е. А. Антропология пожара: по материалам письменных источников конца 19-середины 20 вв. // Горизонты цивилизации. 2019. № 10. С. 500–517.
12. Hawkes, K., Parker, C. H., Keefe, E. R., Herzog N. M. The Pyrophilic Primate Hypthesis // *Evolutionary Anthropology*. 2016. – Vol. 25. No 2. P. 54–63.
13. Pyne, S. J. *Fire: A Brief History*. Washington: University of Washington Press, 2001.
14. Schultz, C. A., Thompson, M. P., Mc Caffrey, S. M. Forest Service fire management and the elusiveness of change // *Fire ecology*. 2019. Vol. 15. No 13. P. 31–53.
15. Scott, A. C. *Burning Planet: The Story of Fire Through Time*. Oxford: Oxford University Press, 2018.
16. Stevens-Rumann, C. S., Morgan, P. Tree regeneration following wildfires in the western US: a review // *Fire ecology*. 2019. Vol.15. No 15. P. 66–93.
17. Wynecoop, M. D., Morgan, P., Strand, E.-K. Getting back to fire *sumés*: exploring a multi-disciplinary approach to incorporating traditional knowledge into fuels treatments // *Fire ecology*. 2019. Vol.15. No. 17. P. 12–23.

IMAGE MEMORY: THE ROLE OF FIRE IN ANTHROPO AND CULTUROGENESIS

M. L. Shub

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, shubka_83@mail.ru

S. A. Blinova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, murre@mail.ru

The article examines the main stages of human interaction with fire: “commensalism” (lack of direct, direct interaction with fire, use of its capabilities as a natural source of “fiery benefits”), “adaptation” (mastering the possibility of self-production of fire, reducing dependence on fires), “Domestication” (leveling the role of fire as a source of fire, the beginning of a conscious human struggle with fires, distinguishing it from the general positively colored concept of fire, mastering forms and methods of fighting fires).

In general, the role of fire as a catalyst for the processes of anthropo- and cultural genesis is reduced to the formation of a system of evolutionary advantages (intensification of cognitive processes, spatial dynamics, adaptation mechanisms, etc.). The fire had an impact on the formation of religious and magical practices, first of all, religious cults, which grew out of worship of fire as the first source of fire and as one of the natural and until some time totally uncontrollable elements.

Keywords: fire, fire cult, anthropogenesis, culture genesis.

References

1. Abramov, V. A. (2012) *Istoriya pozharnej ohrany. Filosofsko-metodologicheskie problemy pozharnej bezopasnosti* [History of fire protection. Philosophical and methodological problems of fire safety]. Moscow: Academy of Emergency Situations Ministry of Russia. (In Russ.).
2. Anuchin, D. N. (1922) *Otkrytie ognya i sposoby ego dobyvaniya* [Opening fire and methods of getting it]. Moscow: State publishing house. (In Russ.).
3. Vernadsky, V. I. (2013) *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Iris-Press. (In Russ.).
4. Lebedev, V. E. (2014) Prirodnyj ingredient v etnicheskoy dinamike [Natural ingredient in ethnic dynamics], in: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International scientific research journal], no. 1-2, pp. 80–91. (In Russ.).
5. Makarenko, V. K. (1982) *CHelovek i ogon'* [Man and Fire]. Yaroslavl: Upper Volga book. Publishing house. (In Russ.).
6. Masson, V. M. (1991) Ogon' v epohu paleolita: mnogoobrazie funkcij [Fire in the Paleolithic Age: Diversity of Functions], in: *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archeology], no. 1, pp. 160–181. (In Russ.).
7. Wrangham, R. (2012) *Zazhech' Ogon'. Kak kulinariya sdelala nas lyud'mi* [Ignite the Fire. How cooking made us human]. Moscow: Corpus. (In Russ.).
8. Smith, R. (2008) *Mify i legendy avstralijskih aborigenov* [Myths and Legends of Australian Aborigines]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.).
9. Tashak, V. I. and Antonova, YU. E. (2012) K voprosu o dobyche ognya i ego kul'te v paleolite Zapadnogo Zabajkal'ya [On the issue of fire production and its cult in the Paleolithic of Western Transbaikalia], in: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History, Philology], no. 7, pp. 56–67. (In Russ.).

10. Tokarev, S. A. (1990) *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
11. СHajko, E. A. (2019) Antropologiya pozhara: po materialam pis'mennyh istochnikov konca 19-serediny 20 vv. [Anthropology of fire: based on written sources of the late 19th-mid-20th centuries], in: *Gorizonty civilizacii* [Horizons of civilization], no. 10, pp. 500–517. (In Russ.).
12. Hawkes, K., Parker, C. H., Keefe, E. R. and Herzog, N. M. (2016) The Pyrophilic Primate Hypthesis, in: *Evolutionary Anthropology*, vol. 25, no 2, pp. 54–63.
13. Pyne, S. J. (2001) *Fire: A Brief History*. Washington: University of Washington Press.
14. Schultz, C. A., Thompson M. P., Mc Caffrey S. M. (2019) Forest Service fire management and the elusiveness of change, in: *Fire ecology*, vol. 15, no 13, pp. 31–53.
15. Scott, A. C. (2018) *Burning Planet: The Story of Fire Through Time*. Oxford: Oxford University Press.
16. Stevens-Rumann, C. S. and Morgan, P. (2019) Tree regeneration following wildfires in the western US: a review, in: *Fire ecology*, vol.15, no 15, pp. 66–93.
17. Wynecoop, M. D., Morgan, P. and Strand, E.-K. (2019) Getting back to fire sumés: exploring a multi-disciplinary approach to incorporating traditional knowledge into fuels treatments, in: *Fire ecology*, vol. 15, no. 17, pp. 12–23.

Шуб Мария Львовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социологии культурологического факультета Челябинского государственного института культуры.

shubka_83@mail.ru

Блинова София Анатольевна – преподаватель кафедры культурологии и социологии культурологического факультета Челябинского государственного института культуры.

murre@mail.ru